Слова, вырванные из контекста

Prostory публикуют конспект авторской презентации проекта Арсена Савадова «Голоса любви», созданного для украинского национального павильона на Венецианской биеннале 2019 года и занявшего второе место в конкурсном отборе. Сейчас команда «Голосов любви» требует пересмотра результатов конкурса. Конспект предоставлен Группой критического цитирования – коллективом, сформировавшимся во время просмотра презентации проекта и планирующим заниматься исследованиями прямой речи участников/-ц украинского художественного процесса. Целью этой публикации является вырвать презентацию в Информационном агентстве «Укринформ» из скандального контекста споров в Facebook и рассмотреть ее как факт и симптом актуальных украинских художественных процессов. В фокусе внимания Группы – не эксцентрика речи художника, а идеи и ценности, стоящие за самим проектом и борьбой за его показ. Отбор реплик, прозвучавших во время презентации, может показаться предвзятым. Но полное видео пресс-конференции, в которой также принимал участие куратор проекта Александр Соловьев, и фрагменты «Голосов любви» доступны по ссылке. Публикация проиллюстрирована работами художника Владислава Мамышева-Монро. Аналогия «Голосов» с его творчеством – отдельная тема.

О произведении

Чуть больше полугода назад в Нью-Йорке в студию ко мне приехал куратор Питер Дорошенко – и сделал мне предложение возглавить эту Биеннале, сделать проект. Я, конечно, отказался сразу, потому что у меня есть опыт всего этого мероприятия не одноразовый, но через час нашей беседы в студии он еще раз настоятельно попросил подумать, сказал: нет ли у тебя какой-то идеи? Я говорю: ты знаешь вот (выпив водички какой-то там), у нас есть идея, за которую я когда-то боролся, идея некого перформанса – и не «некого перформанса», а активного перфоманса. Два с половиной года назад я предложил Андрею Кравчуку, певцу, сделать со мной где-то в районе Попасной или Авдеевки перформанс с приездом Мэрилин Монро в войска – как реконструкцию ее приезда в Северную Корею в пятьдесят четвертом году. Она исполнила тридцать четыре концерта, после чего заболела воспалением легких, но считается, что именно после этих концертов ситуация на фронте изменилась. Американские войска оттянули северокорейские войска на

пятьдесят какой-то там меридиан, и с тех пор по этому меридиану проходит демаркационная линия этих как бы воюющих сторон, которая сейчас демонтируется… Это было актуально почему? – потому что не было ни визита Трампа никуда, ни этих встреч по поводу Ким Чен Ира, и так далее. И мне Андрюша ответил: нас расстреляют, ты не понимаешь, я пою иногда на фронте, ты что, переодетый мужчина, пятое-десятое... И говорит: это будет очень сложно. И как-то так они меня успокоили, и два с половиной года прошло, и вот это предложение я озвучил Дорошенко. Он говорит: великолепно, если ты мог бы, тыры-пыры. Позитивно меня настроил, говорит: не будет никаких препятствий, сделай эту работу. Я бросаю студию в Нью-Йорке, приезжаю на два месяца (а задержался уже на четыре) сюда, на Украину, активно включаюсь в работу. И мы создаем *практически невозможное произведение*, потому что такая сложная ситуация на фронте. Мы поехали, были в Попасной, снимали напротив Дебальцево, то есть снимали на разных территориях, в закрытых военных.

Но сейчас неважно, как это технологически было сделано – я отвечу на вопросы, кому будет интересно. Но здесь я вижу армию в таком позитивном движении по сторонам, как будто бы реально у нас какая-то другая конференция, более позитивная, не конкурсная. Короче говоря, невозможный проект.

Моя подруга Анна Капустина за это время подготовила группу, с которой можно было работать, творческих людей. Это режиссер Стеколенко Александр, это оператор Пилунский, который снимал «Вий». Это очень хорошая группа, так как я режиссер этой всей истории.

И мы создаем, как я могу сказать, абсолютно в чем-то шедевр для украинского современного искусства, который даже рассматривать как конкурентоспособный было бы смешным. Потому что опыт большой творческий у меня... Биеннале – вещь тонкая, в ней [идет] конкурс не просто идей, это конкурс неких культурных амбиций, и эти культурные амбиции должны быть в некоем культурном поле, тон которому задает куратор, которого выбирают всей Биеннале… Это люди, которые являются частью интеллектуальной элиты мира, то есть, выходя на какую-то концепцию, они уже видят некую визуальную материю, потому что создавать подобные конструкции интеллектуальные, не имея за этим культурного тела, было бы наивно, непрофессионально.

И как раз к этому времени в МоМе* выходит книга «50 лучших художников Европы», где одна из ключевых вещей – это шахтеры: там прям двадцать фотографий их, или пятнадцать. Вот такой искусствоведческий том! Куча статей обо мне, о Сенченко, о нашем движении, о том, как мы начинали. И МоМА делает презентацию, приглашает меня туда: Вы наш друг, приходите бесплатно каждый день, заходите-смотрите, теперь вы часть МоМы, как бы в таком духе значит… И я, такой воодушевленный, думаю: нет надо ехать, надо снимать. Короче, мы создаем произведение, безусловное произведение, которое перестало быть границей каких-то творческих исканий. Это не финал исканий, это некое эпическое произведение, которое из концептуального переросло за счет не только опыта, но и профессионализма и интеллектуальной творческой интуиции. *Переросло тему какого-то творческого соревнования и белиберды вот этой культурной и столкнулось с реальным народом, с реальным человеком, солдатом, Родиной.*

Я как пес! Если касается вопроса культуры, я буду бить в нос! Я буду добиваться какой-то истины! Даже если я буду один, так заточен мой характер, я сын своего отца, у меня отец художник, его работы висели у Брежнева в кабинете. Естественно, я имел тяжелейший задник и давление со стороны, и вот так вот вырос.

Но столкнувшись вот с этим произведением, [встречаешь] вдруг не левые ценности, не свободу, распиздяйство, наркотики и красоту, а наоборот – армию, государство и семью. То есть для художника, для меня, это была серьезная трансгрессия. Здесь я столкнулся с какой-то потрясающей архаикой, и я ей проникся, и мы создали произведение, которое намного шире, чем просто концептуальное современное искусство.

И когда мне советуют с нескольких сторон: посмотри на фигуру перформера Марию Максакову, я…. Да она толстая, – говорю. И когда я с ней встретился, прежде всего услышал бэкграунд, что она изгнана из Думы. А я далек от политики, не сильно близок, но она была членом Думы, да… И я понимаю, что русские нам прекрасный бэкграунд создадут, они больше напишут о нас, чем вся мировая пресса. То есть я понимаю, что это потрясающий агент.

И этот материал я показываю [Марату] Гельману, и он как никто меня поддержал. Он мне пишет (читает с мобильного): «Ты не волнуйся, помни, проект говорит сам за себя, это же безумно сложно – говорить о стране, о войне, о патриотизме – и не скатиться в пошлость, в карикатуру, в плакат, – тебе это удалось».

Люди плакали, девочки-солдатки шли за нашу сцену и плакали, понимаешь, у нас эти фотографии есть. Потому что исполнил Андрей потрясающе. Мы создавали как бы концерты для солдат, мы их информировали о
том, что мы хотим, что «Мэрилин Монро» будут снимать, [но] все остальное – это для них. И играли потрясающие группы… И ведущий был профессиональный, и Кравчук много пел, и переодевался в разных героев, чтобы снять напряжение, чтобы не было никаких гендерных напряжений. То есть он то в костюме арлекина, то Пьеро, то Мэрилин Монро. Базовое люди

прекрасно понимали, кто-то нам говорил: «А вы используете солдат!». Прежде всего, говорил генерал (и это он сказал съемочной группе): «Так шо, армія для вас чи ви для армії?». И мы поняли месседж, и мы создавали такое культурное мероприятие, что люди расслаблялись, кто плакал, а кто смеялся…

Мы сняли практически некую Энеиду (...) за счет моего понимания современного искусства и всех механизмов стратегических… И вот так использовать поп-артистскую фигуру как часть культурного кода одного из главных государств – это, я считаю, очень талантливо и правильно. *И за счет этого сделать такой мост между двумя культурами: украинской (...) православной и поп-героем. Тем более, вектор всей государственный машины и всех месседжей строится на «Мова, Армия и Религия». Мы же не планировали этой конъюнктуры сегодняшней, здешней, но она так ложится, и ложится правильно, видать, так звезды стоят.*

Мы – как Котляревский, [который] взял европейский миф, сделал его античным и соединил Украину со всей европейской культурой, с Античностью прежде всего. Что такое европейская культура? – это три или пять статуй, фигур Древней Греции. И вот эту Античность мы носим [в себе]. Допустим, со стороны Византии София [Киевская] является последним провинциальным храмом византийским, значит, мы – часть этой империи, цивилизации… Со стороны Античности даже наша баба с мечом – это Афина стоящая, только в Киеве… Мы не монгольские какие-то народы, тюркские. Через Мэрилин Монро мы проследили прелесть движения современной культуры и слияния белых рас в хорошем смысле слова.

О конкурсе проектов

Вопрос: Что можно сделать, чтобы ваш проект представить на Биеннале?

Все можно сделать, я позвоню Порошенко – и все мы решим. Все! Вот так! Не будет какая-то замминистра, мы ее не знаем. Я известный художник, обо мне пишет МоМА.

Вопрос: Вы реально можете позвонить Порошенко?

Ну, конечно! Я скажу: Любимый-дорогой! Кругом ездим! Плакаты «Віра, Армія, Мова»!
Это произведение легло в канву концепции государства. Так кто должен представлять Украину?

Я считаю, что все тут написано и все мы понимаем прекрасно. Явно лоббируется какая-то белиберда студенческая – и мы должны спокойно, как общественность, на это смотреть? Мы – культурная общественность и не первый год воюем с козлами разными! Значит мы отреагировали вот так: собрали пресс-конференцию для культурных людей, чтоб поделиться тем материалом, который есть и который может достойно представлять Украину. Тут нет трех прочтений. Но вести полемику кто лучше, я не буду.

Лишить нас [возможности] видеть такие произведения? И слушать сухие высушенные концепции советского… короче говоря, малолеток? Происходит геноцид – мы не дадим так с

нашей культурой поступать! Давайте расширенные советы! Давайте наших академиков! Сядем. Почему меня могли критиковать все, начиная от Пузырькова до Лопухова? Все, кто только мог? А тут – раз-два-три, какие-то люди, которых нет в культуре. В советах сидят, что-то трындят. Почему не наши, прекрасно образованные? Где Олеся Авраменко? Почему там не сидели другие люди? Сидоренко хотя бы, директор целой институции? Я сегодня категорически против этой культурной буржуазии. Будем бороться до последнего.

Мне не нужно себя пиарить, я и так известный дядя. Какой-то Полатайко будет судить Арсена Савадова? Да это позорище! Гном в искусстве судит Великана. Куда это годится? Это позорище!

Да получат они по лбу от художников в конце концов! Закончится это тем, что мы захватим это Министерство Культуры и поставим всех на место! Это не угроза! Это прямая угроза им! Мы на Майдане стояли, чтобы эти дармоеды там в темных комиссиях придумывали сказки?

Произведение – о народе, и нужно это показывать, видеть и гордиться, что есть такие художники, и еще такая группа, режиссёры… Люди вдохновенно работали ради чего? Чтоб там эти три фишки, Полатайко из Канады звонил и спрашивал, можно или нельзя… Пошел он… Да какое мне дело вообще?! Пусть свою «Спящую Красавицу»***, позорище это... В Украинском музее с Баршиновой**** работают там, два интеллектуала великих. Никто их не знает. Так может ты МоМУ покажешь, книгу? Засранцы! Художников вообще так обижать нельзя! Засранцы, еще раз говорю!

Нам сказали, что мы до вечера можем общаться… Задайте пару вопросов, потому что скажут, что, вот, собрал всех своих. Никто тут не свои, все люди образованные сидят.

А я только с образованными дело имею. Даже солдаты понимают величие произведения! Позорище Министерства Культуры! Позор это просто вообще!

Видео пресс-конференции

---

*MoMA – Museum of Modern Art, Музей современного искусства в Нью-Йорке. Фотография из серии Савадова «Донбасс-шоколад» репродуцирована в издании MoMA «Art and Theory of Post-1989 Central and Eastern Europe: A Critical Anthology – Paperback»

**«Спящая красавица», произведение художника Тараса Полатайко, экспонировавшееся в Национальном Художественном Музее Украины (НХМУ) в 2012 году.

****Сотрудница НХМУ, заведующая отделом искусства XX – нач. XXI ст.. Оксана Баршинова и Тарас Полатайко были членами экспертной комиссии Министерства Культуры Украины по выбору куратора национального павильона на Венецианской биеннале